

КИРИЛЛ
ДЕНИСЕНКО

И.Н.Ф.Е.Р.Н.О
АД НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

16+

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

**И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Ад
начинается на Земле**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

ДЕНИСЕНКО К. М.

И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Ад начинается на Земле / К. М. ДЕНИСЕНКО —
«ЛитРес: Самиздат», 2012

Сюжет книги вращается вокруг мира, пережившего войны, природные катаклизмы и людей, выживающих в новом мире - в мире, порождающем исчадий ада: вампиров и... людей нового строя. Нет ничего страшнее человека, утратившего лик нравственности, опрокинувшегося в бездну вседозволенности и садизма. Зверь не столь безобразен в своей дикости, как человек.

© ДЕНИСЕНКО К. М., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Вступление

Все то, что написано в моей дебютной книге, – сон. Книга-притча. Тихая, вызывающая, нереальная. Доминирующей частью она представлена глазами персонажей, заключенная в их разум. Отражающая страхи, страдания, жизненные неурядицы. Порой мы не слышим и не видим весь отчетливый ужас вокруг нас. Ужас кричит, кричит так, что невозможно не услышать, поражает настолько, что невозможно не увидеть, но во всем этом шуме и во всей этой яркости мы не видим и не слышим. Этот ужас человеческого страдания и разрухи снизошел до самой высокой и невообразимой ноты, но его не слышно.

Я надеюсь на безмолвные строки, сухие, лишенные красок реального мира – оттого и могущественные. Ибо считаю, нет ничего громче тишины. Ни один звук – будь он самым мощным – никогда не перекроет, никогда не пересилит тишину. Тишина побеждает. Где безмолвие – там средоточие мысли. Где мысль – там ясность. Именно в этой благословенной обители и происходит пробуждение разума. И как оно свершается, грядут действия.

Апостолом сказано: ад начинается здесь. Мы сами порождаем наши ужасы. Мы сами выпускаем их в нашу жизнь, в наши души. Мы страдаем только от самих себя. Большинству проблем, обступающих нас, мы творцы. И никто, и ничто больше. Это наша вера в силу зла. Исконная ошибка в том, что люди веруют в плохое, веруют в приметы. Мы верим. Верим, что плохое должно произойти либо с нами, либо с нашими близкими. Зло существует. Веровать и знать – разные понятия. И незнание не освобождает от ответственности. Я знаю, что есть зло. Я знаю, что есть демоны. Я знаю, но я не позволю своей верой укрепить их силу. Я верую не в добро, я верую в Бога.

Первоначально людям со сложившимся стереотипом невосприятия религии может показаться (а скорее, и покажется) религиозная тематика, вкрапленная на протяжении всех глав в повествование, враждебной индивидуальному мировоззрению, оттого и отторгающейся. Это проблема для подавляющего большинства читателей, некий барьер, который не каждый атеист сможет преодолеть. Поэтому я переживаю, что религиозная тематика сильно сузит круг читателей; проблема налицо – книга не воспримется всеми, поскольку написана для верующих. Эту загвоздку я заметил только при перепро чтении книги и «условного» финала истории. Условного, потому что не все то написано, что планировалось изначально. Да и финала как такового нет. Единый сон, загадка и лабиринт рассудка главного персонажа.

Не скрою: не все написанное мне по душе. Книга не претендует на высшие похвалы. За четыре года работы над ней я менялся, вслед менялись взгляды и стилистика написания. Каждый раз, видя все больше недочетов и испытывая неприязнь к стилю изложения, я развиваюсь. Плоха та книга, что не может научить ничему новому своего творца. Моя книга учит. Учит жестко, невзирая на то, нравится мне такой подход или нет. Благодаря этому я прогрессирую. Как только человек начинает считать, что плод его трудов гениален или хорош, он становится узником этих рамок, он останавливается.

Книга издана. Теперь же я хочу начать с чистого листа. Начать продолжение зародившихся событий этого сюжета. Я открыт критике, а значит, готов самосовершенствоваться, но до сих пор самый лютей критик – это я сам.

К чему это я пишу, отходя от темы? Я жду вашей критики, мои дорогие читатели, потому что я хочу, чтобы книга нравилась вам.

Если захочется поделиться впечатлениями о моей работе, то пишите на e-mail: kirillmichaylovich@mail.ru

Сюжет книги вращается вокруг мира, пережившего войны, природные катаклизмы и людей, выживающих в новом мире, в мире, порождающем исчадий ада: вампиров, и... людей нового строя. Нет ничего страшнее человека, утратившего лик нравственности, опрокинувше-

гося в бездну вседозволенности и садизма. Зверь не столь безобразен в своей дикости, как человек.

Но за урегулирование inferнальных существ отвечает организация И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. – Инфернальная Нуменистическая Федерация Единого Реагирования Нениястического Окнсизма – спецназ «мертвых». Тех, кто утратил все. Все нити, связующие с человечностью, – но они как никто другой из людей отражают человечность. И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. – порожденное отклонившимся от павшего Ватикана течением, объединило могущественное наследие древности, скрывающее потенциал силы во имя неистощения жизни сообщества.

Нуменистическая: Нумен, безличная божественная сила, власть, способная вмешиваться в человеческую жизнь. Это понятие, засвидетельствованное со 2 века до н.э., и отождествляющееся в эпоху Империи с понятием «Бог», характерно для римской мифологии, в которой черты антропоморфизма выражены сильнее, чем в греческой.

Нениястического: Нения, в раннем римском фольклоре – песнь, восхваляющая и оплакивающая покойника. Исполнялась под звуки флейты первоначально родственниками, затем специально нанятыми плакальщиками перед склепом и при погребении.

Окнсизма: Окн, Онос (Oknus, греч. «медлительный») – в греческой мифологии – персонаж царства мертвых, старик, плетущий соломенный канат, пожираемый с другого конца ослом. Символ бесконечной работы. Такому наказанию Окнос подвергся за то, что никак не хотел умирать.

Враг многолик.

Не так страшна нечисть, как сильные мира сего.

Ложа «Познание 5» эволюционирующего масонства расколола мир, приведя его к апокалипсису.

И среди всей шахматной доски мирового масштаба – обыкновенный человек Артур Кинг. Он просто человек. Человек, имеющий предел сил. Человек, который борется несмотря ни на что.

Придя в мир с тройным сердечным пороком, я жил долгие годы на грани жизни и смерти. Мои дни были сочтены. Врачи прогнозировали мою скорейшую смерть. Говорили о месяцах, неделях, о том, что я должен быть ниже травы и тише воды, потому что вот-вот смерть приедет меня. А я просто отказался умирать. Обратившись к Тому, чья власть вне границ... к Богу. И в моей жизни произошел перелом. Бог услышал не меня. Подарил новую жизнь. Я благодарен маме, чьи слезы и молитвы оказались силой, победившей смерть, что неумолимо приближалась ко мне. И с того момента я стал другим. Вера же моя претерпевала изменения, я прошел искушения, разочарования, даже после совершенного надо мной чуда я сомневался в истине. Но благодаря всем этим терниям я обрел помимо веры нечто более ценное: способность преодолевать.

Один из моих персонажей рассуждает о пределе:

«Всю жизнь мне ставят предел. Весь мой путь – все сталкивает меня с пределом, но предела нет. Существует бесконечность. Существует смерть. Существует ноль. Предела же нет.

Я. И только я являюсь олицетворением и сущностью, которая ставит грани, ставит предел, но всякий предел иллюзорен. Предел индивидуален. Основа предела – это только теория. Теоретические выводы на шаблоне поведения индивидов, сталкиваемых в ситуации, которая ставит в рамки.

Вся наша жизнь, столь многоликая и необыкновенная, – тривиальна, являясь во всех ее проявлениях однозначной.

Вся жизнь – это Путь. Это линия из точки А в точку Б. Жизнь – это задача. Головоломка. Немыслимый лабиринт человеческого размышления.

И каждое действие имеет одну задачу: пройти из точки А в точку Б.

Мы живы для других пока идем, пока осуществляем передвижения из точки А в точку Б.

Когда оканчивается маршрут, мы перестаем существовать для тех, кто не прибыл в конечную точку.

Что же находится за крайней точкой этого маршрута?

А вы разве еще не поняли?»

Но, боюсь, предисловие затянулось.

В путь!

Глава 1

Блики прошлого

Близ Тандрода.

475 год после Великого Разъединения

Вторая Эпоха.

Время как будто застыло в одинокой пустоте, меркло освещаемой пасмурным солнцем, отверженно скрывшимся за скорбными облаками; под толстым слоем раскинувшегося владыки-снега в мертвенном прозябанье теплилась жизнь – бессознательно, в утеснении, под белизной мрака, рвась наружу, к свету, возможно, и не существующему вовсе, но не переставая стремиться, не мирясь с безысходностью, а преодолевая непреодолимое, и через ничтожность прорываясь к заветному, желанному и возникшему в сознании извне, и полагаясь на чувство, пробиться из толщи снега и узреть – солнце. Солнце, ныне поникшее. Но согревающее расцветавший прекрасный подснежник. Который, как чудо, нежными оттенками светлых красок и улыбчивой жизнью, зримой в немного склоненном легком бутоне, оттенит край, обрамленный скалистыми стражами. Изможденными стражами-елями, изредка осанистыми, но большей частью и сморщенными, живущими среди анархично раскиданных глыб серых камней. У деревушки. Убогой и обнищавшей. Кладбищем выглядывающей из-за скал. Веющей духом, жаждущим напомнить о былой жизни, канувшей в забвенье.

Тишина, окутывая степи, пропитав и сам воздух, зловещей притворщицей скрывала за внешним непоколебимым, леденящим душу спокойствием пожираемый и угнетаемый ядом смерти мир. Вечность отчужденной матерью оплакивала в стороне усыновленный мир. Мир, оставленный и разрушающий пути спасения. Мир, гибнущий в безумном отступничестве. Мир, помрачившийся и измысливший власть, присужденную себе, утратил величие и Свет, ибо во плоть облечен он, а значит, мертв. И от Духа и Жизни отступивший, иных в равные Тьме стремящийся обречь.

Былое кануло в оледеневших сердцах равно зеленолиственной жизни, чахнувшей под толщей снега; мир, ни живой ни мертвый, влачащий существование, объемлем стеной и исполнен страха, противостоянию негоден, поражен неверием и бессмыслием одержим. И ни Добра, ни Зла предзнаменованиям не сведущ, ибо болен, утратив истинный образ. Посему и Зло, пошатнувшись, разодралось на две единые части. И связующее звено в облике мужа воинственного, не примыкая ни к одной из неверных сторон, идет и вершит то, что чести и долгу его не претит.

Далеко, из низин почти опустевшего Тандрода, вздымаясь ввысь, шел человек громадного роста и величавого стана, облаченный в развевающийся на ветру красный с черным окаймлением и разрезами плащ, плотно застегнутый на туловище десятками серебряных заклепок, расположенных напротив друг друга, неуклонно поднимаясь в противившейся ему снежной метели, колко бьющей в лицо. Он медленно, но уверенно переступал ногами в тяжелых и высоких ботинках с серебряными вставками, взбираясь по крутому склону неприступной вершины. Его взгляд был направлен вверх сквозь беспросветно черные стекла очков. Длинные волосы, некогда перевязанные лентой, которую пару часов назад похитил ветер и унес

в бесконечность, отяжелев от бесчисленных снежинок, отчаянно развевались, будто застигнутые бушующим потоком даже не воздуха, но бурлящих вод.

Поставив правую ногу на выступавший из горы серый камень, он остановился, неспешно осмотрел претворенный с высоты во что-то крохотное и незначительное мир, вздохнул, потеряв спокойствие, что выразилось в выявившихся на лице морщинах. И, сняв очки и закрыв глаза, он слегка склонил голову и произнес мягким, сильным, чарующим, басовитым с легкой хрипотцой голосом:

– «Мир знал его, и не ведал никто о нем; и имя было его Скотт Ринтер...» Так, отец, звучат начальные строки твоего дневника... Так... именно так. Ибо познал ты... отче, что я из человека был перерожден в зверя. Это тяжело, и эта тяжесть не прошла мимо меня... и мучаюсь я, отец, но... раз сие страданье и мука коснулись меня, значит... значит, таков мой путь и должен я принять его... не став тем, к чему был предуготовлен желанием людей. Мне больно... мучительно больно, отец, осознавать, что облакаясь в Добро, я не меняю сути, я... я остаюсь Злом и... и зверем...

Истязаемый душевной невыразимой мукой, отражавшейся на красивом суровом лице, он силился превозмочь горечь, желал сдержать кристальные, пролившиеся из его замкнутых век, заскользившие по ланитам витиеватой тропинкой слезы, причинявшие страдание, каждой каплей обжигавшие нутро, иссушавшие не подчиняющуюся бытию сущность, мучимую бременем веков.

Века ношу приняв, он, чуждый человеческого облика, одолел судьбу, в скитальца переродившись. Он вздохнул; разверзлись веки, явив глаза зверя – заостренные, как у дикой кошки, бронзово-золотой окраски зрачки, осмотревшие округу и вновь скрывшиеся за черными стеклами надетых очков. Скотт Ринтер, всматриваясь в острые главы скал, продолжил путь.

Горные хребты Тандрога и многочисленные утесы с разваленными валунами обволакивало мгlistым туманом, густевшим к выси; подошвы ботинок, утопавшие в переливчатом серебряном настиле, отпечатывались, оставляя позади следы.

Лучи скрывшегося за серыми облаками солнца проглянули, и пролился свет. Мельком, осторожно просяив и скоротечно исчезнув, дерзко осветил каменную, неприступную, вздымающуюся в десятки ярдов ввысь стену, преградившую путь. Скотт приостановился шагах в десяти пред огромным осколком горы. Степенно провел взглядом от низа до верха, выверяя расстояние, и, положив могучую длань на черную как мгла рукоять багрово-красной катаны, устремился вперед, в пару шагов вскочив и оттолкнувшись от каменной глыбы. Молниеносно двигаясь в тумане, зажмуривая веки от усиливающегося колкого ветра, претерпевая мучительную боль, сковывающую оледеневшие пальцы рук, он карабкался, превозмогая ничтожность брэнного тела, волею преломляя немощь, ведая: плоть преклонится пред изничтожающим мыслимые преграды духом, едиными, по сути, став. Его длани ухватились за край вершины.

Небо очистилось, и Тандрод исполнило насыщенно холодным светом не скрываемое ни завесой облаков, ни колонной скал солнце, рассеивающее тень призрачности и тьмы. Лучики света снизошли на чувственные лепесточки приклонившегося в стеснении пред огромным миром подснежника, желавшего раскрыться и явить ту красоту, которая чужда, то милое очарование, которое не привораживает души, подчиненные мертвенным умам без духа.

Время ленивым потоком несется в неведомом направлении – не оглядываясь, не приостанавливаясь, нескончаемо от начала продвигаясь, незримо, неустанно, послушно исполняя предназначение, к концу приводя живое, ожидая окончания, освобождения и заповедуемого долга разрешения.

Так и подснежник сгорбленно стоял, окруженный белизной ледящей усыпальницы и разобщенной контрастностью возводимого некогда давно к радости, а ныне упокоенного в муке селения, разрушенного людским хотеньем и безудержной неумолимостью властителей Темной стороны.

Цветок ощутил присутствие. Иное. Не сродное ни с чем; то присутствие, что вселяет мысль именно о сочувствии и любовании подснежником. Чувств настолько незнакомых и столь явных теперь, что он повернулся и улицезрел опустившегося на одно колено, всматривающегося в него невероятно высокого и огромного человека.

Долог был взор. Ярок и добр. Единственно подснежник жизнью пылал. Но неведомый странник улицезрел нечто неподалеку, повернув главу, встал и устремился к незаметному комку, снегом осыпанному. Была то девочка, совсем дитя, годов шести на вид, бледна и мала. Скотт дланями необъятными поднял от земли юное создание, неожиданно пришедшее в себя и голубыми чистейшими глазами возревшее на недруга иль спасителя своего.

Еле слышно, почти что шепотом, с трудом смотря, она отрывисто произнесла:

– Кто ВЫ?

– Не бойся, все хорошо, – как возможно мягче произнес он. – Где твой дом?

Лицо дитя переменялось, исказилось ужасом, будто в памяти всплыл образ ужасного сна; маленькие белоснежные ручонки ухватились за края плаща у грудины, и голос ослабленный, гонимый страхом, сбивчиво возвестил:

– Прошу вас, спасайтесь! Они придут вновь; я осталась одна, они возвратятся, – и, запнувшись, она вскрикнула: – Брат!

И неистово разрыдалась, прижавшись к Ринтеру изо всей силы, как утопающий цепляется за последний оплот надежды.

Скотт Ринтер смутился; чужда и позабыта была им и не видана долгие годы ласка, и сей плач эхом рассеивался в бездонной пустоте его души, опаленной страданьем.

«Чернь, доколе сгущаться на свете будешь ты», – в сердцах помыслил он.

И, глядя на ветхую, разрушенную деревню, громогласно произнес:

– Дитя, не бойся, не оставлю тебя вовек! Отныне всегда буду с тобой. Ничто не посмеет омрачать тебя!

И к удивлению ноши его, из глаз его излились слезы. Перестало рыдать дитя, протянуло ручонки к лицу – теперь ясно, истинно – не губителя, а спасителя ее. Сняла очки, но не убоялась звериного взгляда, излучавшего добро и отражавшего муку, хоть и отдернула ручонку, но все же приложила ладонь к щеке. Потеплело в истерзанной душе... Окончился плач, воззрел Скотт в ясные глаза и, улыбнувшись, спросил:

– Как твое имя, небесное создание?

– Иона, – кратко, и как будто колокольчик, ответила она.

– Ты озябла совсем. Иона, где твой дом?

– Неподалеку...

Бывшее поселение обрамляло наибольшую часть поваленное низкое дощатое ограждение; деревянные хижины стояли вдоль, в середине пролежала пыльная тропа.

Деревня была мертва; Скотт Ринтер зрел зиявшую убогость, ощущал смердящий дух осквернения, который едино он мог распознать. Они вступили на узкую дорогу.

– Вот он! – указала Иона на выделявшийся из всех полуразрушенных построений простой бревенчатый домик.

– Красивый, – неожиданно для себя самого сказал Скотт.

– Да, папа плотником... – запнувшись, она горько заплакала.

– Не плачь, Иона, прошу тебя. Отныне все будет хорошо.

Взойдя на крыльцо в расписных вырезях, с витиеватой формы перилами, Скиталец переступил порог и, пригнувшись, прошел в пустующий проем. Выбитая дверь, как и все остальное, валялась на полу; нахмурившись, Скотт Ринтер тяжело вздохнул, спросивши:

– Иона, куда идти?

– Моя горница наверху.

И, направившись по спиралевидной лесенке, он очутился на втором этаже, являвшемся, по сути, чердаком, мастерски отделанном под три комнатки: родительскую, расположенную по всей левой стороне, и две детских – по правой, разделенной дополнительной стенкой-перегородкой; однако же все было мило и представлялось достаточно комфортабельным.

Скотт Ринтер опустил девочку на пол; та, боясь остаться одна, умоляюще возвестила:

– Прошу вас, будьте со мной, я боюсь, вы исчезнете – и я погибну!

– Я не оставлю тебя, веди.

Дитя, обведя его взглядом, изумленно проговорило:

– Вы такой большой!

– Ничего страшного; где не проходишь в полный рост, так иди склонившись, – и он, опустившись на колено, последовал за ней.

Вскоре Иона переоделась; укрытая теплым белоснежным одеялом, уснула, сжимая длань спасшего ее; высвободив из ослабшей ручонки свою могучую ладонь и бесшумно покинув комнатку, Скотт Ринтер спустился, осмотрел погром и, заметив квадратный кусок древесины, приблизился к нему; он опустился на левое колено, осторожно взял в руки предмет и, перевернув его, устранился: огромные карие глаза строго и сочувственно взирали на него. Трепет объял его. В напряжении мышц лица выступили скулы, сперло дыхание, задрожали руки и болью пронзило сердце: в его руках была икона.

Царственный Божественный Лик был обращен к нему; Иисус Христос, не молнией поражая, не гневом испепеляя, а милосердно смотря, покаяния ожидал, в благословении персты сложа; терпя, как Бог истинный и в любви непостижимый, Любящий и Праведный; Единый и Правый Всемогущий Господь.

Тяжко удерживать было Всеобъемлющее пространство и мир; придя наконец в себя, Скотт Ринтер встал и степенно, с трудом совершая шаги, подошел к красному уголку, поставил в надлежащее место икону и, на шаг отойдя, с превеликим трудом перекрестился.

Солнце постепенно клонилось к закату. Из серого кирпича печной трубы клубился дымок.

У очага лежала вязанка дров; огонь сверчал; подвешенная кастрюлька закипала, излучая наваристый душок. Бульон был уже готов. Иона, укрытая поверх толстого свитера шерстяным платком, сидела на скамье и восторженно наблюдала, как Скиталец снял с медного крючка широкую в горловине и сужающуюся к доньшку сероватого отлива кастрюлю, которую поставил на круглую подставку на столе, и наливал, зачерпывая половником, насыщенный бульон с кусочком мяса на косточке в деревянную чашку.

Изголодавшись, Иона заглатывала, обжигаясь, вкуснейший бульон. Скотт Ринтер, не отрываясь, смотрел на дитя, и два чувства одновременно перемежались в нем: и радость, скрытая в уголках губ, и горечь сожаления, мелкою слезой выглядывавшая из краешков глаз.

Вмиг дитя прекратило вкушать пищу, встав, повернулось в сторону красного уголка и, воззрев на лик Спасителя, взмолилось:

– Господи, прости! Дядя, прочтите молитву, – произнесла она, обращаясь к Скитальцу.

– Я... я не знаю, ты прочти... я послушаю, – в замешательстве ответил Скотт.

– Отче наш, Иже еси на небеси! – горячо взмолилась Иона. – Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас... – глаза ее исполнились слез.

– Избави от лукавого, – побледнев, договорил Скотт.

– Спасибо, – шепотом сказала она и, сев, молча продолжила неторопливо есть.

В проеме окна виднелся снегопад; тяжелые снежинки непроглядным строем падали на землю.

– Иона, скажи мне: ты, единственно ты... в живых. Брат, отец и мать, все... – он бросил на нее взгляд. – Ты можешь мне рассказать?

– Они... они пришли с гор; я очнулась ото сна. Страшнейшие вопли пробудили меня, и брат, мой маленький братик, исполнившись страха равно мне, обхватил меня и не пускал. Мать, окровавленная, ворвалась в комнату и, схватив нас, устремилась вниз. Отец, с ружьем стоя... не смог сдержать... ЭТО; не люди и не звери ворвались... оголтелая стая нечто ужасного; Антошу, как лист, будто игрушку, когтями впившись, надвое разорвали, а в маму... впились! Я увидела мерзкие клыки, струи крови обагрили мамино тело; и меня б ухватили, но мама, я не понимаю, как она смогла, но она, кинувшись назад, задержала, – Иона рыдала, – эт... э... ЭТО... Я, в угол забившись в испуге, ничего не мысля, не соображая, сторбившись, руками закрылась, и рык разнесся надо мною, и ОНО в стену ударило; а икона неожиданно пала вниз, и я, схвативши ее, отвернув лицо, прикрылась ею, и шипение, в визг переходящее, издало ЭТО и удалилось от меня; так я и просидела, дрожь сковывала меня, а ЭТО буйствовало и долго крики людей не смолкали, – Скотт положил десницу на ручонку Ионы, и пред ним предстала воочию в пламени роковая ночь. Слух пронзили вопли детей, бессильных матерей и немое содрогание земли; кровь, отвратительный запах крови и рокот ликования убийц, воскреснув призраками былого, обволокли сознание... он отнял руку; безмянный лик кошмара очертился ясным образом; он бросил взгляд на продолжавшую прерывистый рассказ Иону. – Рассвело, я встала и, крича, зовя матушку... мамочку и братика, вырвалась из дому и бежала, бежала... и вскоре, замерзая, пала. Потом я очнулась в ваших руках... Кто вы?

– Иона, – он резко встал, обогнул стол и, оказавшись пред ней, встал на одно колено, положив десницу на главу дитяти, ответил: – Иона, неважно, кто я и откуда; имеет значение одно: кем буду я теперь. Уясни, я Скиталец, одинокий и жизни отрешенный, меня нет! Я ни жив, ни мертв; сердце во мне не бьется; возможно, те, кто погубил твою семью, и есть то, что я; но не пугайся, прошу! Все же не одно целое; я цепи разрушил; но связан донныне незримой цепью, не понять тебе... Иона, – он поднял опустившийся на мгновение взгляд. – Иона, я воспрепятствую Тьме; я погибну, но ты будешь жить. Отведу далеко тебя, ничто не причинит тебе зла, ничего худого не случится с тобой; клянусь, Иона, клянусь я пред небом и землей, оберегать отныне буду я тебя! Ты слышишь меня...

– Оно здесь... – застекленев, сдавленно проговорила она.

Солнце скрылось. Светозарная кайма обронила прощальные лучи, и сумерки сгустились. Скотт Ринтер, бросив суровый взгляд на дверь, спокойно сказал:

– Иди наверх.

У двери, прислонясь к стене, покоилась могучая катана; Иона, ступив на ступени, обозрела Скитальца. Его стан являл решимость и твердость; персты коснулись рукояти, рука, скользя вниз, обхватила накрепко ножны; он вышел, оставив плащ, оставив ее, оставив свет, и вступил вперед, во тьму. Отдалившись от дома, Скиталец предстал лицом к пустому, пугающему серому горизонту.

Тишина, сияние звезд, очей сыновей Света, и замершие слезы неба; и шептание отзвуком боли, безмолвным, рокошущим мучителем вверглось в сознание, проникнув в мозг, обволокло неисчислимыми, бесконечными голосами. И, как неожиданно вверглись в мозг шептания, так и нагрянула пугающая тишина.

Тишина прервалась щелчком – извлечением катаны – веки отверзлись. Вурдалак, вплотную представ перед Скоттом, занес меч сверху, из-за головы. Скоординированное, молниеносное ответное движение Скитальца, рассекающего пространство клинком. Его крепкая рука, перерубившая туловище. Истинное исполнение иайдзюцу отняло жизнь у корчащегося на обгавленном кровью снегу вурдалака.

Удары как молнии, достигающие вурдалаков, – и смерть, несомая клинком. Багряное солнце Тьмы воссияло в ночи. Десятки вурдалаков и единственная сила – Скотт Ринтер. Воплощенный кошмар нечисти – Истребитель.

И главный враг. Старинное воспоминание, подобно могильной плите, увитой иссохшей растительностью и подернутой ветхостью, проявилось обрывками. Дождь. Богатое строение. И мчащийся выродок с животным оскалом. Тогда Скотт потерпел поражение, необъяснимо уцелев. Блики прошлого, захороненные в закоулках памяти, воскресли в поединке... Тяжело дыхание. Меч воздет. Удар, удар, отражение и искры от разгоряченной стали. Клинки скрещены, противостояние. Взгляд – Скиталец и Аундас. Едины они, стерта грань, и путь длиною в жизнь простерт и окончен. Они сошлись, поглощены сечи столкновением.

– Звериное Око, Скиталец, Несокрушимый, какие бы в ледящем трепете страха ни возникали имена твои, ты Скотт Ринтер, и ничто, слышишь, ничто не изменит сего. Прекрати бежать от действительности, загляни в душу и прими ту сущность, которой явлен миру, – говорил Аундас, скрестив мечи со Скоттом Ринтером. – Воззри, брат!

Вопль ярости из уст Скитальца. Мощный выпад, и Аундас, отстраненный, совершая сальто, взмыл на ветвь древа. Вокруг – жаждущие крови, проклятьем обессмерченные и смертью уязвленные. Реки крови орошают подножие Скитальца.

– Воззри, брат, сие твое отражение! Ты и есть я, ты часть меня, мы все единая плоть! Ты же – предатель, избравший ничтожное существование. Выпусти силу, гнездящуюся в тебе; я чувствую твой страх, твою немощ. Ты – Зверь!

– Не-е-т! – Скиталец устремляется к дереву, расчлняя восстающих на пути; пред ним вплотную восстает вурдалак, вонзая острие меча в плечо, Скотт Ринтер выхватывает массивный кольт, и свинец раздробляет череп противника, а он, взбегая по мощному стволу, обрушивает серии ударов, выкрикивая:

– Мечи не уберегут тебя от руки моей... Тень не выстоит пред светом... Звезда не затмит луну. Ты же не выстоишь предо мной!

– Так свету уподобил ты себя, брат? Очнись! В пустоте не обрящется свету места; жизнь не прольется в сгнившее тело, но смерть восстанет в нем предвозвещением конца в перерожденном Ином, пошатнув заветный устой, являя власти воцарение, изрыгнутой из бездн в прославление сего мира, приявшего Тьмы закон.

– Бывать ли речению твоему, ответчу: никогда!

– Мир залется кровью, и кровь будет твоя. Ты падешь!

– Аундас, не убил тогда тебя, теперь же твой черед настал!

– Глупец! Действительно, Скиталец имя тебе: переступаешь только, грядя в пустоту; осознай бессмысленность избранного тобой пути. Смеешь же над тобою я, ты – исчадие и урод Тьмы, измыслил в своеволии водвориться на стезю иную? Смеешь и насмехаюсь; ты – Свет? Так познай силу тьмы! Вострепещи! Узри и погибни; я же вкушу твою плоть, и хозяин меня удостоит сей миссии!

Черным облаком взмыли вурдалаки, обратившись в мерзких крылатых тварей, и рокот, в писк переходящий, ужаса исполнял; человеческие лица преображались в вытянутые клыкастые морды, черной шерстью обрастали тела. Вурдалаки, визжа, набрасывались, впивались когтистыми лапами в живую плоть. Скиталец, сверкая глазами, неутомимо сражался, поражая в сердцевину, распарывая крылья, отсекая конечности.

Царила мелодия свирели, музой смерти отдаваясь в звяканье стали и предсмертномestone; и апогеем ужаса разнесся окрик Аундаса в сердце Скотта Ринтера, израненного, с зияющими кровавыми ранами от когтей и остриев мечей. Аундас стоял на крыше дома, удерживая в руке Иону; скорость света опережая, Скиталец, преломляя время, мчался к дому. Тщетны усилия, вурдалак вонзил зубы в плоть дитя, испив скоротечно, отбросил младое тело, ниспавшее в покрывало снега, изливая капли алой крови...

Удары сердца прожгли грудь Скитальца, мир замер; поникши, скрыл меч в ножнах и опустился на колено он, рукой провел по золотым локонам и воззрел на бледное лицо, кровью запятнанное. Слух поражал агонии вздох предсмертный из уст дитя.

– Скотт Ринтер плачет, – глумясь над горем, спросил Аундас склоненного Скитальца, постепенно пересилившего горечь, устремившего взгляд ввысь и, оправляясь по мере вставания, высвобождавшего праведный гнев из глубин души.

– Ты ввергнул прекрасную розу во тьму. Ты отнял жизнь у дитя... Я высвобожу зверя, гнездящегося в тенетах моего иссушенного Тьмою сердца, и ты, ты – Аундас, познаешь мой гнев. Твоя сила обратится против тебя, и поглотит тебя бездна; твой хозяин ждет тебя, – и пронзительный крик, и с болью вырвавшиеся из спины Скотта Ринтера отвратительные громадные черные крылья.

– Так настал черед сечи; я рад. Ты вздумал меня утратить? Узри, брат, истинный кошмар, – Аундас воздел длани к мрачному небу, перерождаясь в ужасающего исполина; иссиня-черная кожа покрывала тело шестиметрового, увенчанного рогами чудища, слюна истекала из смердящей пасти, ярко-желтые зрачки победоносно взирали в алеющие глаза Скитальца; рывок – и вытянута рука с серебристым кольцом. Выстрел, шаг вправо, выстрел, шаг влево, движение вперед, выхваченная катана, взмах крыльев – уклонение и удар, Аундас взмывает, достигаемый Скоттом Ринтером. Тучи заволокли небо; поднебесье засверкало, гром сотряс мир и молния осветила существ поднебесных противостояние и испепеляющее душу ярости пламя.

Меч и когтистая лапа скрестились; усилие, натиск, разоружен. Из рук выпущенная катана, острием сверкнув, вонзается в землю, могучая рука вцепляется в шею. К скале откинут, и глубже когти вонзаются в истекающую плоть – очи меркнут, их застилает тьма, и разверзнутая пасть осмеивает утробным гласом, удар ногами, и Скиталец, высвободившись, сцепляется в схватке и рвет необъятные крылья врага; Аундас с одним крылом обрушивается на ветхую церковь.

У врат опускается в изорванном облачении Скотт Ринтер, движение рук – и он вступает на истертую дорожку; пар исходит от мускулистого тела, черные крылья позади характеризуют неумолимый стан. Кровавого оттенка глаза вскользь окидывают взором мраморный пол, ряды скамей, массивные колонны и замирают, улицезрев увенчанного терновым венцом, склонившего главу Великого, Усталого и Непостижимого. Взор падает вниз: восстает ниспровергнутый, отрясающий обломки и пыль Аундас, всецело нагим, в человеческом обличье. Рука приближающегося Скитальца обращается в когтистую лапу, длинными перстами царапающую ряды скамей и мраморный пол. В гневе Аундас, с ревом нападая, сталкивается с ужасающей дланью, молниеносно пропоротившей утробу, ввысь поднявшей тело его, пробирающейся глубже, достигая сердца.

– Чрезмерно боли причинил мне ты, Аундас. Сладостен мне миг расправы над тобою. Я... Ощущаю... Биение твоего сердца. Ты будешь умирать медленно, и бесконечность приемлет тебя, возобновив мучение, уготовленное тебе. Аундас, отправлюсь я вслед за тобой. Мука постигнет и меня, но ты, ты, Аундас Аундуас Бергшвайн, познаешь цену расплаты, и моя мука, мое проклятие полнейше выместится на тебе, и преисподние мучения ничтожными станутся, как познаешь силу опаляющей, неудержимой ярости. Ты жаждал в лице моем увидеть отражение Тьмы, зла, исполняющего нутро моего тела. Так знай же: заветы разума воплощаются в реальность и, – глаза Скотта Ринтера прожгли рыпающегося Аундаса, – и действительность их ужасна, – и неожиданно Скотт Ринтер сказал, будто самому себе, следующее: – Лицезрел ли ты Господа? Омраченное око, серости порождением являясь, искаженным и Его сознанию представит. Вообрази, мы все, от воли нашей или нет, создания Его, и недуг в нас. Болезнь во мне, как паразит, в душу вонзившись, иссушает, гнетет и воли лишает, и противостоять ей не в силах я, – слезы излились из глаз Скитальца. – Таковым рожден я, и сие не моя воля.

Судьба, скажешь ты, но судьба противна существованию; не свободен ли я и не решением ли своим ушел от предначертания судьбы? Гибну я, мертв и бездыханен! Господь, где Он? Смотрит ли на меня? Нет! Сущность мою чернь составляет, и взор, сей светлый взор, обратится, если только обратится на меня, исчезну, не вынеся, погибну, исторгнусь, и поглотит Бездна меня. Устрашаюсь и трепещу взора великого Его, и сам взгляда не поднимаю! Бог столь велик, а я ничтожен и темен, что в страхе непрестанно нахожусь, но и внутренней Тьмы своей принять не желаю и не смогу никогда, душа претит. Ссохлась душа, да и была ли она в сердце, которое не бьется, которое есть вместилище Тьмы язвящей. – Переменившись, Скиталец воззрел в глаза Аундаса, сердце которого было сжимаемо его дланью. – Биение твоего сердца сладостно слуху; властен я творить угодное мне, ибо все мы средоточие великой Тьмы!

Ужасающе были смех и рев, с которыми Скотт Ринтер, устремившись в прыжке ввысь, обрушил тело Аундаса об пол – осколки стекол посыпались из окон храма. Был Аундас поднят, и тело его, стену проломив, кувырком несясь, сбивало плиты и каменные кладбищенские кресты. Отойдя от руин павшего храма, Скотт Ринтер к склепу неспешно продвигался довершить расправу; и вурдалаки, витая над его головой, убоялись ниспасть и сражение в безмолвии лицезрели, ибо сечи исход – смертоносен.

Луны таинственный свет нимбом сиял, потворствуя безраздельной Тьме; и Дух мщеника снизошел в утробу Скитальца, исполнив взгляд необузданного гнева, огня, излившегося в карминных глазах Зверя, легендарного, в Мире могущественного и Логосу в противостоянии малого и немощного.

Скиталец, приняв изначальную сущность, переродился в мрачное крылатое создание. Его брутальное тело покрывала короткая шерсть, почерневшая кожа лопалась от невероятной мускулатуры; когтистые лапищи, длинный хвост и подобие лица, утратившее человеческие черты: мерзкое, с заостренными, огромными ушами и разверзнутой клыкастой пастью; повелительными глазами, с вершины четырехметрового тела беспощадно взирающими на изнуренного Аундаса, у склепа распростертого.

Боль и Тьма поглотили сознание Скотта Ринтера в изничтожающий лабиринт; Путь – Вечный и Безначальный, жестокий, бессмысленный и беспросветный; Тьма и Боль – пространство, едины они и он – запертый и бездыханный; одинокий и беспомощный, бездомный и вечный. Гибель и Жизнь в смерти познавший; из Жизни в Смерть обращенный, проклятый и безумием одержимый; и Тьма, обнимая, в рабства кольцо заключает, Иную сущность созидая, и Вселенная шепчет:

– Имя Ар-Хон тебе! Раб Неутомимый!

– Изыди, Тьма! Узри крах основанья, положенного во мне. Иное создала, и око глубин моей души проникнет в твой мир. Изничтожу – и падет Царство Земное! В людей Бога произволением Жизнь положена; ты вносишь искажение, ты – духа разрушительного отражение; ты – ничтожен! Ты – немощен! Твоя суть Ложь, Сила – иллюзорна и, власть твоя измышлена и шатка. Оставь! Оставь меня! Мучаешь меня! Гибну, а Жизнь каплей живительной влаги стекает, как по раскаленной стали в душе, в сердце, которые равно телу подчинить себе полагаешь намерение! Будь проклят! Проклят и я! И Сила истекает из ран оставленной Духом души, принять не могущей Дара сего сокровенного и отнятого от меня с рождения, с зачатия изначально проклятой души! Ненавижу! Уничтожу! Изыди... Изыди! – Скиталец, ребенком представший, Тьмою обымаемый, извивался, мучился, заключенный в Пустоте; одинокий и нагой, на коленях предстоящий в вакууме черни, изливая слезы.

Явь рассеяла Иллюзию размышления, окончив видение, и Скиталец, очнувшись, степенно приблизился к Аундасу. Воззрел в глаза кровного брата и, наклонившись, когтистой десницей впился в голову и поднял Аундаса ввысь; жизни бурное течение, как обрушивающаяся грозная волна, пронеслось мигом и исторгло потаенный гнев и горечь, поразившие сокровенную часть души – воспоминания.

– Прости, брат... – молвил Скиталец, и десница размозжила череп.

Кровь стекала с когтей, впитываясь в снег, Скотт Ринтер, обернувшись, пошел прочь и, постепенно принимая человеческое обличие, приблизился к Ионе. Окровавленное дитя возлежало в белоснежной усыпальнице, холодеющее тело покидало тепло, и Иная жизнь, по жилам распространяясь, перерождала умирающую. Тяжкое, надрывное дыхание вырывалось из уст.

Скиталец, выхватив из земли сверкавший в лунном свете клинок, с воплем страдания, плача, пронзил дитя в сердце, и замер склоненный, опущенный на колено у издавшей вздох смерти. Из последних сил Иона, краем глаза взглянув на поникшего, робко улыбнулась, застыв навечно. Лик Ионы неизгладимо запечатлелся в памяти Скотта Ринтера, и слезы, в сей миг оброненные, иссушили душу, и отныне ничто не вызывало плач Скитальца.

Бархатный, нежный голос ворвался в тишину безмолвного страдания. Луны свет пал на деву в белоснежном плаще; капюшон откинули нежные руки, явив высокий лоб, голубые очи – лик, обрамленный золотыми локонами. Алые губы, чувственно приоткрытые, сладкозвучно молвили:

– Не изменился ты, Антоний...

– Единственный человек ведает истинное имя Скитальца...

– Восстань, Антоний; мертвым сей путь дан. Ты, жизнь от рождения вкушивший, приобрел смертных силу. Отречешься изначальной сущности, и отнимется жизнь, немощен станешь, полнейше сподобившись лику людей.

Вздыхнув, Скиталец крепко сжал меч и, выпрямившись, вплотную приблизился к деве. Его взгляд был суров, а голос холоден.

– Из глубин прошлого восстала ты... Аннет... Боль предвещающая и сражение чувств, из страсти слияния в пепел претворенных? Любовь молотом Судьбы расколота и обессмерченный познает ли земное? Вмещит ли мир Любовь того, кто ни жив, ни мертв, – плотянен... бездыханен и, однако же, как пыль песка скрывает потаенную жизнь...

Дева шагнула вперед, скинула плащ, явив обнаженное тело. Золотой кулон ниспадал до груди, отчетливо выдавался округлый живот.

– Будет рожден сын твой...

Легкая рука неуверенно коснулась лица Скитальца; персты ласкали чело, нисходили к ланитам. Его могучая десница накрыла ее руку; смежились веки Скотта Ринтера и, отверзшись, глаза впились в дражайшие черты; длань соскользнула на подбородок Аннет, большой палец нежно провел от края до края чувственных губ.

Вознесся меч, острие вошло в утробу, кровь хлынула из уст, и Аннет пала, как сорванный дуновением ветра листок.

– Я изменился...

Вернувшись за плащом, Скотт Ринтер удалялся, и склоненный лилово-белоснежный подснежник взирал вслед статной фигуре.

Звездная россыпь освещала человека в черном одеянии, стоявшего у края мрачных гор Тандрода; величественное лицо с густой бородой, перебираемые опущенной рукой горошины четок, черная ряса – анахорет Клим следил за Скитальцем и, вздохнув, тихо произнес:

– *Sui cuique mores fingunt fortunam hominibus...*¹

Глава 2

Воссиявший из тьмы

Русь.

354 год от Великого Разъединения.

---

¹ Судьба каждого человека созидаема его характером...

Вторая Эпоха.

Эпоха модерна грянула в былое. Зачаток неоистории был положен крахом старого мира – катаклизмами земли и раздорами противостоящих держав, породив единый мир, создаваемый природой и социально-политическим течением, умами людей, полагавших основой создания мира присовокупление накопленного опыта прошлого, адаптируемого к абсолютно иным условиям нынешнего существования. Отчет история взяла от Великого Разъединения былого устоя во всеобъемлющее объединение держав, наций, материков. Людей отныне не рознили ни язык, ни «корни» предков. Возникла Единая Нация, и новый мир был провозглашен Родиной Уцелевших Существ, получив название из древности земли, централизовавшей сплоченные катаклизмом континенты держав в Государство Русь.

Девять людей было избрано, которые возглавили Великий Совет. Через сто восемьдесят восемь лет – в 257 год от Великого Разъединения – был избран Десятый, возвышенный миром, принявшим его Властителем Мира. И возникла ответная оппозиционная систематизация общества, осознавшая грядущий шаг тоталитарного мира. Диссиденты изыскивались и осуждались на смертную казнь, мир процветал. Царило благополучие и стабильность. Иллюзорность вселенского счастья опровергала повсеместная недостаточность и прискорбно низкий уровень жизни, сталкиваясь с локальностью правосудия и порядка, воссозданного в сознании человечества.

Тьма застала солнце и Царство Снов заволокло умы людей. В сознании одного человека созидался ночной кошмар.

Возник белый нескончаемый коридор, в котором возник Абрис женщины с подносом, удерживаемым двумя руками. Громкий отзвук ее шагов, распространяясь, достигал слуха человека, скованного в смирительную рубашку. Ближе... Ближе... Столкновение неминуемо. Глаза, обуреваемые страхом, мечутся и не в силах остановить взор. Пространство поглощается призрачной однотонностью, притесняющей сознание в вакуум безумия. Шаги все ближе и громче. Умопомешательство постигает естество, уничтожая личность. Взгляд, исполненный дрожи, беспорядочно рыщет. Теплится надежда снискать выход, но отрезан путь отступничества, только столкновение... невозможно стерпеть... Грохот шагов прокрался в мозг. Мысль обречена к подчинению. Нечто иное скрывается в происходящем... Иллюзия неотличима от Реальности, ибо прекращено существование естественного порядка вещей. Человек. Он мечется! Кровь, пульсируя, отдает в виски, трепет сковывает нутро. Подкатывает вопль. Рвется наружу, но страх уничтожает человеческую сущность, становясь несведущим зверьем. Личность трансформируется из «кто» во «что», претворяясь в субстанцию, отдельную от самовольного разума. Преображаясь в частицу, ведомую силой, исходящей из замкнутой реальности макрокосма – составной отличительной функции жизнедеятельного принципа совокупного слияния вещественного с невещественным в неразделимом симбиозе, воссоздающим сущность, определяемую в основном как человек.

Извне воздействующее ужасно и омерзительно, и суть Зло и есть ум, занедуживший и разъярившийся в колоссальной силе разума всемогущего.

Шум прекратился.

Взгляд судорожно устремлен в пустоту. Время замерло окончательно. Тихо... до безумия тихо. Все внимание сконцентрировано на двери. Нечто должно возникнуть за пределами внутренних страхов; невозможно существовать вечным беглецом. Страх ждет окончательной неспособности разума, дабы сразить, повергнув на смертный одр. Биение сердца – ту-дух, ту-дух, ту-дух – приглушенно отдастся в мозг. Проклятое сердце не умолкает; легкие судорожно втягивают воздух. Одышка. Дверь. Ту-дух, ту-дух, ту-дух. Пустота. Беспорядочное дыхание, словно он преодолел невероятную дистанцию. Судорожный страх невыносимо сковал естество. Страх воплощается. Противостоять не удастся. Страх дерзок, особенно облек-

шийся в обличье сталкера, идущего против внутреннего «я». Дверь отворяется. Сердце вот-вот лопнет, прежде чем он успеет узреть, каков сей мучитель, узурпирующий его сознание, но в проеме появляется... девушка в медицинском халате. Она вошла, постукивая черными каблуками, и, пройдя к стене, выдвинула прозрачную плоскость и поставила на нее поднос.

...Он, в смирительной рубашке, в изнеможеньи прислонившись спиной к тверди стены, сполз обессиленным на пол. Его взгляд пристально следил за приготовлением металлически-стеклянного шприца. К нему приблизились, присели на корточки, взяли руку и вонзили иглу в освобожденную от рукава вену.

Такое ощущение, будто проделывали все с ним, безропотно повинующимся, «они», а не эта внешне красивая девушка, но оледеневшая внутри столь сильно, что мерзлость нечувствия вызволялась наружу.

Безмолвный, уставший, но по-прежнему содержательный взгляд заметил, как старые друзья – стены – вновь враждебно обступили его в кромешном одиночестве. Пустота испепелила веру. Непрестанно время, мелькая, ускользает, минует его; жить невыносимо в водовороте сия русла. Болезненность руки не проходит, хотя он усиленно держит ее согнутой у локтя, остерегаясь кровотечения. Возможно, резкая боль вследствие извлечения иглы из вены, отпечатавшись в памяти, мучает теперь. Властвует иное Создание над безжизненным телом. Слух начинает улавливать тревожное движение пространственной Силы. Он встрепенулся от невнятного отзвука; рядом с ним адела капля свежей крови. Его ли кровь? Новый звук и следующий след.

Неуклюже встав, он следит за выявившейся мутной одноцветностью.

Из малой щели под дверью невидимо в однообразии цвета растеклась пугающим контрастом багряная кровь. Стены зардели в проступающих кровавых пятнах; с потолка по каплям засочилась горячая кровь.

Сумасшествие настигает, невообразимо противиться ему.

«Я человек, еще человек... живой... пока что живой», – проносится в мозгу. Смирительная рубашка сдавливает тело, перекрывая воздух, падение... Кровь преследует отползающее, отталкиваясь ногами, тело. Кровь достигает, заключая в кольцевидное обрамление... Тупик. Воздуха не хватает в груди, дыхание отрывисто и спешно, глаза зеркалом отражают отчаяние и смятение духа. Невообразимо... Душно... Дверь. Взгляд в сумасшествии страха устремлен на дверь... Нечто ужасающее достигнет его. Что он? Действительно личность поработана неведомой мощнейшей силой, отличной от его. Кто он? Рассудок приемлет пред ужасом целостность себя, отрекаясь от понимания, представляющего соотношение предметности, невоодушевленности, привитой извне к себе.

Вязкая жижа стекает с потолка в середину комнаты, претворяясь в силуэт, созерцаемый с безмолвным страхом. Вызволяется наружу порождение кровищи, ступающее босыми пятнами в направлении несчастного человека, жмущегося к углу стены.

Призрачное порождение приближается в запятнанных кровью джинсах, протягивает тонкие, оголенные по локоть руки, с дланями, орошенными стекающей алой жидкостью. Розовая майка изодрана, девичьи груди обозреваемы чрез дыры. Шея испачкана кровью. Миловидный узкий подбородок и стянутые черными нитями над ним тускнеющие губы, равно как и веки глаз. Она стремится оповестить его о чем-то; но уста сомкнуты на века.

Тело сотрясает дрожь, кровь бешено пульсирует по жилам. Плоть терзает животный страх, воздействующий парализацией инстинктов здравого смысла. Рассудок меркнет, мысль умерщвлена, и только глаза и мимика лица выражают отчаяние и ужас, присовокупленные мучительным переживанием, терзанием безысходности, неподвластным разумению.

Зловещий и одновременно безвинный силуэт продвигается к корчащемуся на полу человеку, пытающемуся вырваться и спастись из нестерпимо сдавливающей проклятой рубашки.

Ее пятки прилипают к липкому полу и, отрываясь, тянут за собой сгустки сворачивающейся крови. Из замкнутых уст доносится мычание; она пытается предупредить.

Он валяется в оцепенении страха на полу. От нахлынувших чувств и сложившихся обстоятельств по лицу начинают стекать скупые слезы в лужу крови.

И с духом, обретшим вещественное состояние, происходит нечто сходное, но слезы его не чисты и не прозрачны как хрусталь. Он страдает и приближается, протягивая длинные пальцы к лицу беспомощного человека; невероятное усилие воли вызывает истощный крик.

***

Тихая ночь. Звезды мерцают над неспящим городом. Мрак застилает холодную комнату. Отсвет полнолуния, краешком задевая, освещает полулежащего, опирающегося руками о кровать, молодого мужчину, беспорядочно глотающего воздух. Он, проведя ладонями обеих рук по потному лицу, постепенно переходит в массажирование лба левой рукой, устремив изможденный взгляд на окутанную чернью спальню. Осознав абсолютное исчезновение сна, протяжно вздохнул и, прилегли снова, закрыл глаза.

В уме продолжала рисоваться ужасная картина. Навеванный сном страх не рассеивался.

По стенам и потолку извивались спиралевидные трубы; ртутные ребра-пластины, вздымаемые друг на друга, отсвечивали алмазным блеском в случае попадания света на них, являя собой основание кровати.

Квартира не излучала ни домашнего тепла, ни человеческого уюта. Стиль постройки и декора был неординарен. Квартира проектировалась в соответствии с замыслами и чертежами, производимыми в новой ветви изобразительного и абстрактного искусства, тесно связанного с футуристическим мировоззрением, касающимся технологической революции.

Модернизация и техническое обустройство, выполненное на поразительно высоком уровне, впечатляло, в особенности искусственных в сей области натур.

Он снова поднялся, опустив ноги на выложенный прозрачными стеклянными плитами пол. Наклонившись, опер локти о колени и, немного посидев в раздумье, поднялся. Обойдя кровать, подошел к окну. На дороге царило свойственное большому городу движение, в основном из торопящихся неведомо куда машин.

Извлекая из взятой в руки белой пачки ртом дорогую сигарету, вскоре зажженную пламенем бензиновой раритетной зажигалки, он задумался, но впал в отнюдь не радостные размышления. Внезапно запиликал компьютер, уведомляя о сообщении. Он устало посмотрел на закругленный слева от него проем в стене и увидел светящийся снежным цветом монитор с высвеченным на нем желто-коричневым конвертом.

Вдыхая дым сигареты, навалившись на окно и проведя правой рукой по голове, словно заглаживая волосы назад, он хриловато сказал, повернув на мгновение голову в сторону компьютера: «Читай», – и тут же устремил взгляд на не успевший еще выйти из оцепенения бунта ночи город.

– Читаю оповещение! – донесся от компьютера приятный женский голос, и через секунду на экране «закрасовался» белый листок с текстом: «Артуру Джорджуа Кингу от министерства коммунального предприятия оружейного снабжения, должностных лиц главного учредительного участка правоохранительных органов. Обязуется повсеместное внедрение новых образцов оружия согласно постановлению военного совета «КДЦ», всем должностным лицам, пребывающим на службе в армии и/или федеральных округов полицейских управлений. В связи со спонсированием правительством вооружения и снабжения соответствующей техникой в зависимости затрагиваемых задач специфики службы в возводимых», – и прочая мишура, встречаемая в стандартных отчетах.

– Спи, дорогая... – хриловато приказал Артур, и огромный монитор компьютера погас.

Его лицо отражалось в стекле окна, сохраняя четкость линий и цвет бледного лица. Он, прижимаясь лбом к водруженной на раму руке, сщурившись, взглянул на свое отражение. На него сурово, не отрываясь, смотрели глаза, устроенные в своем расположении превосходно правильно. Так же, как и лишенная изъянов конституция лица: широкий и высокий лоб, вели-

чавый нос, мужественный подбородок; дерзко выступающие скулы, огромные выразительные карие глаза. Лицо обрамляли вьющиеся густые волосы. В его чертах явно просматривались доблесть, честь и мужество, как у благородных мужей древности.

Артур выпустил изо рта клубок дыма, как вдруг услышал шорох в отдаленной комнате. Ни единый мускул не дрогнул в его теле. Он медленно повернул голову. Смотря вскользь, зашел в расположенную рядом комнату с огромным, оснащенным по последнему слову техники, компьютером. Спокойно подойдя к стенке, увешанной всевозможным оружием, извлек из кобуры серебристый пистолет с широким и удлиненным резным дулом. Проверив его заряженность, обернулся и, минуя свисающие с потолка провода (которые, кстати, были частью декора), вошел снова в спальню.

Его выверенные шаги и полицейская стойка, заключающаяся в особой постановке левой руки на правую, гарантировала устойчивое прицеливание в случае ситуации, которая потребовала бы открытия огня в обостренной обстановке. Но, разумеется, сейчас действия Артура происходили от заложенных в академии навыков в проведении операций по захвату деятелей преступного мира. Ему с одинаковой легкостью ничего не стоило отстреливаться и перезаряжаться левой и правой рукой.

Он прошел мимо кровати, минул округленный проход и, оказавшись в темном коридоре, бросил взгляд влево, но осторожно ступил в правую сторону.

Послышался снова шорох... Теперь действительно эти действия совершаются оправданно.

Ноги озябли от стеклянных плит пола. Сердце начинало биться от шага к шагу с невероятной стремительностью, отдавая болью в висках.

«Что со мной... Спокойно, Артур, спокойно».

Необъяснимый страх возвращался.

Артур успел пройти две полупрозрачные двери. Тени от хромированных труб нависали в различных местах, будь то стены, потолок или пол, представляясь причудливыми и перекоженными силуэтами, таящими в себе скрытую действительность, перерастающую в невежественные фобии, присущие пошатнувшемуся человеческому сознанию.

Шорох, столь необъяснимый и неожиданный, раздался слева от него. Артур, остановившись, закрыл глаза и, согнув руки в локтях, приблизил дуло пистолета к лицу. Капли пота проступили на лбу, знаменуя чрезвычайную бурю разлившегося повсеместно переживания.

– Ту-дух... ту-дух... ту-дух, – сквозь зубы проговорил он звук, отпечатавшийся в памяти из сна.

Шея покрылась испариной, две капли пота пали на стеклянные плиты пола, отчетливо прозвучав на всю протяженность коридора. Голову сдавливало железными тисками, тело пылало от бурлящей в венах крови. «Решайся... Ты или оно...» Артур, раскрыв глаза, не шелохнувшись, устремил взгляд на дверь. Морщины проступили на лице. Усилием воли искусно развернувшись влево, он ворвался с криком чрез легко распахнувшуюся дверь в освещенную комнату... Ванная пустовала, переливаясь ртутным цветом, таила сплетение толстых труб... Шуршание исходило из примыкающей к туалету тонкой пластиковой трубки.

– Черт подери! – вскрикнул Артур, переменявшись в лице.

Учащенно дыша, он медленно развернулся назад и, увидев рогатую образину, принялся палить, откинувшись с криком назад. Мгновение – и указательный палец левой руки по инерции жал на курок пистолета, который просто щелкал затвором, будучи уже с опустошенной обоймой.

Вытерев пот со лба, Артур встал и направился к двери. Чудовищем оказалась просто упавшая на стену тень от поставленных рядом на тумбочке с металлической вазочкой двух пузырьков ароматических масел с красными и синими веточками икебаны. Место «дьявольской головы» было испещрено следами пуль.

Из спальни прозвучал сигнал нового сообщения. Ссутулившись, Артур тоскливо направился в спальню. Дыхание выровнялось, сердцебиение вошло в норму, но щемящая боль, безжалостно точившая душу, не прекратилась.

– Сообщение от Тьерри Зэмэкиса, – начал елеиным голосом компьютер. – «Детектив, выезжайте на участок, у нас задержан субъект с ярко выраженной фотоаулиафобией». Прочтение закончено. Сообщений больше нет.

– Черт! Мир с ума сошел, и меня в воронку безумия втянув; я нового строя не выдержу. Нет, я этого не вынесу! Слышишь, не вынесу! – прокричал он по слогам, повернувшись к потухшему монитору компьютера.

Часы, расположенные на тумбочке справа от кровати, высветили цифры, свидетельствующие о наступивших двух часах ночи; Артур, взяв пульт, включил миниатюрный музыкальный центр. Заиграла мелодия с примесью нежных и бодрящих нот рок-баллады; композиция обеспечивала плавное пробуждение.

Вспыхнули лампочки, усеивающие пересеченный переливающимися неровностями потолок. Артур, опять прошедши в ванную комнату, включил прилегающий к массивной округленной ванне кран, настроил температуру воды и, сняв плавки, подставил тело горячему потоку воды.

По прошествии семи минут он сидел на стеклянном стуле за таким же столом. Стол удерживался одной ножкой, состоящей из двух извивающихся и загнутых на полу труб.

Артур ел из прозрачной углубленной квадратной тарелки приготовленного на электрическом гриле, приправленного гарниром из коричневого риса и изюма цыпленка, запивая чистой водой. Позавтракав, он сложил посуду в раковину и, минув кухонный проем двери, оказался в спальне. Дверцы встроенного в стену металлического шкафа разъехались, и оттуда сверкнул кожаным блеском плащ.

Город неистовствовал в кипящей ночной жизни. Луна переливалась всеми оттенками синих тонов, то переходящими в алеющую желтизну, то исполняющиеся багровым свечением. Молчаливое кладбище купалось в тусклом свете, и тишина – повсеместная и обыденная – нарушалась голосами своры молодых людей в черных одеждах. Люди – ожидающие преобразования подростки-готы, существа – просвещенные волкодлаки.

Темные могильные плиты, зажженные костры и предстоящая оргия с самкой стаи волкодлаков – ведьмой; пленники, прикованные колючей проволокой к покинутым, заросшим выюнами распятиям; как упоительно. Зазвучал хрипучий голос:

– Сумрака воцарение узрите в эту ночь и преобразитесь. Тьма объемлет души и кровь омоет вас, исторгнув из связи... ха... и станете частью новой жизни, что обретет вас.

Из тиши ночи вырывался рев мотоцикла; хромированные турбины извергали пламя.

– Ты, Суини подойди. Клинок сей возьми из рук моих и вонзи в сердце. Да, Суини, в твое сердце. Ты, Бэла, долой одежды, предстань пред Ваалом; к жертвеннику ее! Вяжите... – говоривший запнулся и пал от раздробившей голову пули.

Громоздкий мотоцикл, взметнувшийся с покато́й крыши склепа, приземлился на кладбищенскую землю и, выбрасывая из-под заднего широченного колеса землю, круто развернулся, дав интенсивно ход вперед. Водитель в черном развевающимся плаще с развернутыми руками, сжимающими серебристый и черный пистолеты, опустошал обоймы. Ускользящие молниеносно волкодлаки избегали ранений. Вдруг волкодлак схватил бампер и опрокинул «стального коня», нагрывнувшего из ниоткуда.

– Так, секта, дерьмово, гляжу, дела обстоят...

Бледный волкодлак в замшевом плаще поднялся. Верхняя часть его головы, отколовшись, обнажила мозг.

– О, черт!

– Да. Да! – посмеиваясь, говорил обезображенный. – Вовремя явился ты, уготовив жертвою себя.

– Ты, твою мать! У Артура Кинга есть две малышки, и им нравится погорячей!!! – он выхватил два ствола; волкодлаки стремительно разбежались. – А-а-а!!! Исчадия, слдохните!!!

Гот, представ позади, воткнул раскладной нож меж ребер. Взвывший Артур метнул подростка через голову и выхватил пистолет. Пули пролетали вскользь перемещавшихся волкодлаков. Волосы, ниспадая на взмокшее лицо, застилала обзор. Вознесся меч, и детектив, уклоняясь от обнаженного лезвия катаны, скрылся за разлетевшейся колонной с херувимом и, передвигаясь в поднявшейся пыли, извлек из штанины короткий клинок с перевитой материалом рукояткой. Единый взмах – и снесенная наземь голова волкодлака; катана сраженного в его руках, и завет, вложенный мастером, излился в речи:

– Долг души глубже морей и выше гор. Мои враги – вы. Счастье эфемерно, когда сердце недруга отбивает дрожь жизни, и клочкотание Зла пресечет волевой удар всепобеждающего характера. Устрашил, сучьи дети?! Изливаюсь кровью, – он безумно засмеялся, – не радуйтесь! Умру с вами, здесь и сейчас! Страх, вызволенный из моей души, снизойдет в вас! – и, маневрируя рассекающим пространство лезвием, Артур стремительно приближался к волкодлакам, распарывая и измельчая устремляющихся в бегство готов. Его меч образовал вертящийся круг, являя совершенное овладение рэндзюку-вадза – сложной комбинацией серии ударов. Его взгляд исполнился холоднокровной решительности и чрезвычайного спокойствия. Второй волкодлак пал, испытав мощь иайдзюцу; третий, оказавшись за спиной Артура, заключил его в объятия и вонзил выступившие когти в плоть, нашептывая на ухо:

– Ты умрешь долгой мучительной смертью. Пусты твои слова. Страх в тебе, ибо ты безнадежен; неисцелимы раны. Кровью чернеющей истекаешь. Героем возомнил себя? Чушь! – когти сильнее погрузились в область печени. – Кто теперь ты? Или чем станешь? Ты – ничто. А знаешь почему? Потому что ты – человек. И равно Нэко-мата стану с бездыханным телом твоим забавляться. Устрашен грядущей кончиной?

– Учитель говорил мне – с первого дня посвящения помнишь о смерти. Когда отхожу я ко сну, когда просыпаюсь, когда ем или голодаю, бодрствую или размышляю, когда лицезрею прощальные лучи и восход светила, помню непрестанно о смерти. Так узри немощного человека, меня – Артура Джорджуа Кинга!!! Человека, которому срать на смерть, срать на вас, уродов! Потому что Бог надо мной, а вы – подо мною! – он залился безумным смехом, топнул – из подошвы ботинка выскользнуло лезвие – удар ногой в пах; волкодлак отпрянул назад, а Артур, молниеносно развернувшись, поднял упавший меч и отсек голову волкодлака занесенным клинком. – Кому хвост, кому черепок, а? Нэко-мата, твою мать!

Тяжело вздохнув, он вытер кровь, вытекающую из носа, и, стиснув окровавленные зубы, с криком ринулся, от плеча к поясу поразив восставшего на пути гота. Юноша пал на колени, захлебываясь хлеставшей изо рта кровью, черная челка пала на бледный лоб, глаза с красными линзами взглянули снизу вверх. Артур с болью воззрел на погубленную душу, жертву, павшую не от его рук; дуло пистолета врезалось ему в затылок и раздался женский голос:

– Ты все испортил! Я убью тебя! Ты убил их, раскромсал, будто младенцев! Будь проклят! Кто ты, черт подери?

– Услышать желаешь ответ... А кто ты сама и кто они? Убить? Убивай! Я достаточно лицезрел ужас и гибель! Эти О-яма и Бехериты – разрозненные в языках и единые в сущностях, те, кто клеветники и противники, Шайтаны и Сеты, влившиеся в новый устой мира и заполонившие сознание людей, как паразиты, впившиеся в тебя, в меня, осточертели, ибо исполнен ими весь мир! Мир, убеждаемый и убежденный ими, что нет, нет, нет, к черту, ни Зла, ни Добра! Потому что мы – Зло, мы и – Добро. Да! Мы – люди, жалкие человечешки, и то, и другое. Тогда, значит, мы – Боги, едино мы и ничто больше! – он развернулся, и дуло пистолета

уперлось Артуру в лоб. – Так, сучка, хочешь знать ответ? – он закричал. – Так хочешь знать ответ или нет?!

– Да...

– Его не существует! Существует – Ложь! Лжи чрезмерно выплеснуто. Грязь и чернильные раскаты Лжи разъели и истончили правду, что Истина эфемерна и забыта, а совесть подточена гниением, так что правды нет, есть ты, я и эти выродки, полное соответствие действительности сегодняшних дней. Иной же контраст затеряется. Правда, существует то, что останавливает меня пустить себе пулю в висок... Заинтриговал? – он протяжно усмехнулся. – Будучи удостоенным быть посвященным в мицудэн, я отрекся от пути становления к наивысшим ступеням познания, избрав иное достижение самосовершенствования.

Его рука потянулась за пазуху и извлекла на черной бечевке большое, вырезанное из сосны и удерживаемое за край вершины распятие – склоненная голова, распростертые длани, страдальческое, исполненное муки лицо и ясно взирающие из-под прикрытых век утомленные единственным зрелищем предательства и отступничества глаза. Глаза, открывающие непостижимое и великое в простоте величие силы и одухотворенности. Глаза, исполненные Света и власти, приобщенные милосердия и... понимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.